

В.И.Ярыш

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ШВОВ В ЭСТОНСКИХ ЛУБЯНЫХ КОРОБАХ С БЕРЕСТЯНЫМИ ДОНЬЯМИ И КРЫШКАМИ

Статья посвящена реконструкции оригинального пришивного шва на эстонских этнографических коробах из луба с использованием бересты (берестяные донья, крышки, накладки на корпуса и обечайки крышек).

Ключевые слова: реконструкция, эстонский шов, древненовгородский шов, береста, липовое лыко

Несколько лет назад автор статьи предположил, что «косичка» в эстонских туесах и коробах (речь идёт о шве, который использовался для крепления доньев к корпусам и верхних частей крышек к их обечайкам) носит декоративную функцию» [1]. Она «накладывается» на крепёжный шов, который идентичен древненовгородскому. Внешне такой шов действительно выглядит похожим на оригинальный эстонский шов (рис. 1).

Рис. 1.

За прошедшие три года был накоплен новый материал, существенно меняющий этот вывод. Дополнительная работа автора статьи в фондах Эстонского национального музея позволила расшифровать и реконструировать этот шов. Новые данные приводят к выводу о том, что эстонский шов — самобытная, логично выстроенная и оригинальная конструкция. Лучше всего он представлен на небольшом круглом коробе из луба с берестяными дополнениями. Короб хранится в Эстонском национальном музее в г. Тарту. Музейный номер: ERM¹ A58:55. Изделие изготовлено в 1800 г. Размеры: 15x16xh10 см, поступило из д. Мынисте, Эстония. В коробке хранили деньги: серебряные и золотые монеты [2] (рис. 2). Этот шов имеет древние корни, так как подтверждается эстонскими археологическими находками: на городище Лыхавере (Эстония) был найден хорошо сохранившийся корпус короба Ø20 см, техника пришивки дна к корпусу которого идентична позднейшим этнографическим образцам [3].

Рис. 2.

¹ ERM — Estee Rahva Muuseum — Эстонский национальный музей (г. Тарту). Выражаю искреннюю благодарность сотрудникам Эстонского национального музея за предоставление фотоизображений экспонатов для статьи.

Древненовгородский и эстонский швы выполняют одну и ту же функцию и близки по технике: можно отметить, что один стежок является разновидностью другого, и поэтому их можно объединить в одну группу. И здесь следует обратиться к словам Б.А.Колчина о том, что донья и крышки у древненовгородских туесов пришивались лыковым мочалом различными системами швов [4]. Колчин не даёт реконструкции этих швов, делая заключение, опираясь только на технические особенности найденных фрагментов древненовгородских изделий из луба и бересты. Важно отметить, что Колчин говорит о «различных системах швов». Детальное изучение древненовгородских экспонатов пока не даёт возможности предположить наличие эстонского шва в этих находках, но археологическое «происхождение» обоих швов и близость территорий позволяет сделать заключение о возможности таких находок.

Рис. 3.

Один из древненовгородских швов нами был изучен, реконструирован и подробно изложен в нескольких публикациях [5] (рис. 3). Суть его в том, что он выполняется одной лыковой бечёвкой (мочало) по двум направлениям, первое пришивает дно к корпусу, второе идёт по корпусу рисунком «лесенка» и не даёт ему треснуть и отделиться по линии пришивки дна к корпусу, то есть по линии стежков первого направления (рис. 4). В процессе выполнения эти стежки чередуются. Та же задача решается и у эстонских коробов, но несколько иным способом.

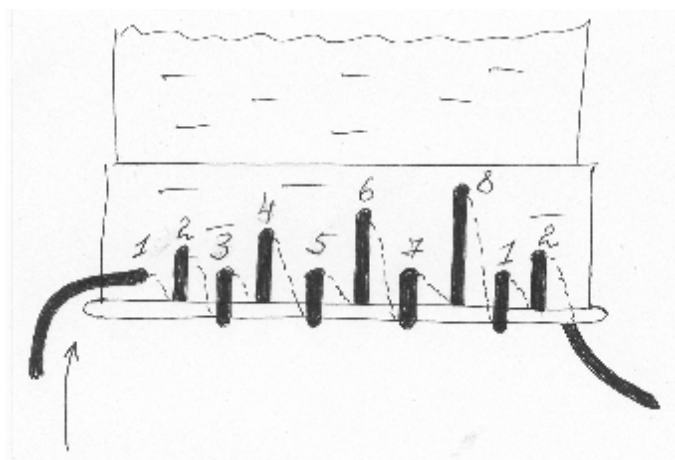

Рис. 4.

Для уяснения конструкции эстонского шва, следует обратиться к шву на мордовском лукошке, который мы рассматривали в упомянутой статье [1, с. 535-536] (рис. 5)².

² Коллекция автора статьи.

Рис. 5.

Лукошко изготовлено в мордовском селе Иванцево Лукояновского района Нижегородской области в начале 40-х годов XX в. Размеры: 29,5x27x25 см. Дно в этом лубяном (кора липы) лукошке пришито к корпусу стежками, напоминающими «косичку», если смотреть на стежки снаружи (внутри они идут параллельными линиями). Сшивной материал — одна длинная лента липового лыка — идёт по траектории «восьмёрка»: огибает пришивной край, выполняет стежок, возвращается назад, вновь огибая пришивной край, делает стежок, идёт вперёд, огибая пришивной край, и выполняет пришивной стежок спереди предыдущего, затем вновь аналогичным образом возвращается назад. И так по всей окружности пришивки. Внешне он похож на косичку (рис. 6).

Рис. 6.

Можно предположить, что хорошо выполняющий свою функцию «мордовский» шов появился раньше всех и предопределил более развитый эстонский шов. Или наоборот, появился этот шов вначале в Эстонии, так как встречается на эстонских и латышских коробах достаточно часто. Например, на коробе из Эстонского национального музея: ERM A 29:5, (рис. 7)³. И тогда, этот «мордовский» шов некогда был усовершенствован эстонскими мастерами или, наоборот: «мордовский» шов появился от древнеэстонского. Возможен и такой вариант: развитый древнеэстонский шов, реконструкции которого посвящена настоящая статья, пошёл в сторону «упрощения» и приобрёл форму «мордовского». Если «мордовский» шов будет когда-то обнаружен среди древненовгородских археологических находок, то уже реконструированный нами древненовгородский шов и оригинальный эстонский обнаружат общие корни.

С некоторой долей вероятности можно утверждать, что рассматриваемый нами эстонский шов является продуктом просвещённого «развитого городского ремесла», так как можно было бы пришивать донья, используя только технику стежков мордовского лукошка, которая во множестве выполнялась в Эстонии и Латвии. И здесь, в свою очередь, возникает вопрос, кто у кого перенял этот технический приём: эстонцы у латышей или наоборот. Исследователями делались попытки сравнительного анализа эстонских и латышских берестяных изделий, в результате которых была выдвинута гипотеза о том, что производство латышских изделий проходило под влиянием эстонских [6]. Вопрос дискуссионный, если речь вести о рассматриваемых

³ Экспонат поступил в музей в 1920 году из местечка Харгла в южной Эстонии. Точный возраст экспоната не определён. Коробка могла использоваться для хранения соли или масла. Возраст не известен. Размеры Ø13x8 см.

лубяных коробах с использованием бересты (донья, накладки на корпусах), так как фрагменты сходных по технологии берестяных коробов обнаружены в археологических раскопках нескольких сопредельных с Эстонией территорий: в литовском городе Кернаве и в российском древнем Новгороде. А «мордовский» шов бытовал на территории России, Эстонии, Латвии, возможно, других стран — тип подобных изделий встречается на сравнительно большой территории.

Рис. 7.

Дополняет эволюцию удивительного по красоте эстонского шва ещё одно изделие из Эстонского национального музея: ERM A 425:5 (рис. 8). Короб поступил в музей в 1936 году из местечка Лати-Илсени, Латвия, где компактно проживали эстонцы. Короб использовался для хранения украшений невесты. Возраст 3—4 поколения, размеры Ø15хh9,5 см. Это круглая коробка из луба с берестяными дном и верхней частью крышки. Шов выполнен двумя отдельными лентами сшивного материала. Первой лентой обшит нижний край корпуса через кромку рисунком «лесенка». Он удерживает корпус изделия от растрескивания по линии второго шва — пришивного. Вторая лента пришивает донце к корпусу «спиральным» швом по кругу. В верхней части этот пришивной шов (если рассматривать пришивку дна) проходит сквозь нижнюю часть петель по корпусу изделия, выполненных первой лентой (рис. 9). В результате на этой латышской коробке мы видим тот же древненовгородский шов, но выполненный не одной бечёвкой, а двумя отдельными частями сшивного материала.

Рис. 8.

И у нас есть шов «косичкой» на мордовском лубяном лукошке, на многочисленных латышских и эстонских изделиях. Если заменим пришивную ленту «винтом» на коробе из Латвии на шов из мордовской косички, то получим оригинальный эстонский шов на коробе из д. Мынисте (ERM A 58:55) и на подобных коробах.

Выполняется этот шов следующим образом: вначале первым жгутом сшивного материала прошиваются стежки на нижней части корпуса (или на обечайке крышки) через кромку рисунком «пирамидка» или «лесенка» (как первая часть шва на коробке из Лати-Илсени). Затем пришивается донце (или крышка) уже известным нам способом по мордовскому изделию стежками «косичка» фигурой «восьмёрка». Сшивной материал — узкая

лыковая лента (липа, черёмуха, рябина). Когда она заканчивалась в процессе пришивания, то связывалась в обычный узел с последующей лентой, и прошивка продолжалась.

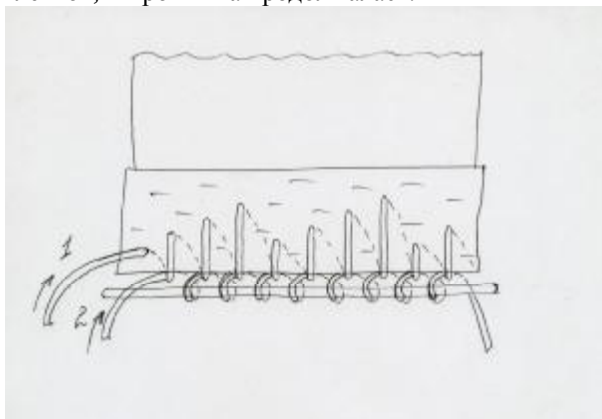

Рис. 9.

В процессе реконструкции данного шва автором статьи использовался еловый корень (рис. 10, 11).

Рис. 10.

Рис. 11.

Итак:

- «мордовский» шов демонстрирует «пришивной ряд стежков» эстонского;
- короб из Латвии демонстрирует «древненовгородский шов», выполненный двумя различными жгутами сшивного материала;
- древненовгородский шов объединяет два жгута сшивного материала латышского короба в один;
- эстонский шов вместо пришивных стежков короба из Латвии использует «мордовский» шов, выполненный «косичкой».

Таким образом, мы имеем дело с четырьмя разновидностями шва, которые выполняют одну и ту же функцию⁴.

⁴ Последовательность времени появления этих швов в истории ремесла требует дальнейшего изучения.

1. Ярыш В.И. Реконструкция туеска с необычным украшением на крышке XIII в. из археологических раскопок в Великом Новгороде [Электр. ресурс] // I Международный конгресс традиционной художественной культуры: фундаментальные исследования народного искусства (26—29 ноября 2011 г. Ханты-Мансийск). Ханты-Мансийск, 2013. С. 537. URL: <http://www.itc-congress.ru/content/other/congress2014.pdf> (дата обращения: 01.02.2019).
2. Eevi Astel. Kasetoht Tarbeesementena. Tartu, 2010. Четвёртая страница обложки.
3. Viires, Ants. Puud Ja Inimesed, Puudt osast eesti rahvarultuuris Valgus. Tallinn, 1975. Илл. 64.
4. Колчин Б.А. Новгородские древности. Деревянные изделия. М.: Наука, 1968. С. 49.
5. Ярыш В.И. Конструктивные особенности туесков XIII—XIV вв. на основе данных археологических раскопок в Великом Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология (Материалы XXV научной конференции, посвящённой памяти В.И. Поветкина). Великий Новгород, 2011. С. 219, 225-228. Engl.: Yarish Vladimir. Plaited Basketry with Birch Bark / Vladimir Yarish, Flo Hoppe, Jim Widess. New York: Sterling, 2009. P. 47-48.
6. Cimmermanis Saulvedis. Mõningaid läänemeresoome ja läti kultuuri ühisjooni Vidzeme talurahva kodustes tarbeesemetes // Etnograafiamuuseumi aastaraamat XIX. Tallin. Lk., 1964. S. 167-187.

References

1. Yarish V.I. Rekonstruktsiia tueska s neobychnim ukrasheniem na krishke XIII v. iz arkheologicheskikh raskopok v Velikom Novgorode [Reconstruction of a bast box of the 13th century with an unusual decoration on the lid from the archaeological site in Veliky Novgorod]. Proc. Of "I Mezhdunarodnii congress traditcionnoi khudozhestvennoi kulturi: fundamentalnie issledovaniia narodnogo iskusstva". Khanti-Mansiisk, 2013, p. 537. Available at: <http://www.itc-congress.ru/content/other/congress2014.pdf> (accessed: 01.02.2019).
2. Eevi Astel. Kasetoht Tarbeesementena. Tartu, 2010. Cover 4.
3. Viires Ants. Puud Ja Inimesed, Puudt osast eesti rahvarultuuris Valgus. Tallinn, 1975, pic. 64.
4. Kolchin B.A. Novgorodskie drevnosti. Derevyannie izdeliya [Novgorod antiquities. Wooden crafts]. Moscow, 1968, p. 49.
5. Yarish V.I. Konstruktivnie osobennosti tueskov XIII—XIV vv. Na osnove dannykh archeologicheskikh raskopok v Velikom Novgorode [Design features of bast boxed (XIII—XIV centuries) based on archaeological findings in Veliky Novgorod]. Proc. of "Novgorod I Novgorodskaya zemlya. Istoriya I archeologiya-XXV". Velikiy Novgorod, 2011, pp. 219, 225-228. (In Russ.). Engl.: Yarish Vladimir. Plaited Basketry with Birch Bark / Vladimir Yarish, Flo Hoppe, Jim Widess. New York, Sterling Publ., 2009, pp. 47-48.
6. Cimmermanis Saulvedis. Mõningaid läänemeresoome ja läti kultuuri ühisjooni Vidzeme talurahva kodustes tarbeesemetes. Etnograafiamuuseumi aastaraamat XIX. Tallin. Lk., 1964, pp. 167-187.

Yarish V.I. Reconstruction of seams in Estonian bast boxes with birch bark bottoms and lids. The article is devoted to reconstruction of original stitching on Estonian ethnographic bast boxes using birch bark (birch bark bottoms, lids, and other parts of the handiwork).

Keywords: reconstruction, Estonian stitch, old Novgorodian stich, birch bark, linden bark.

Сведения об авторе. Владимир Иванович Ярыш — кандидат пед. н., преподаватель Новгородского областного колледжа искусств им. С.В.Рахманинова; yarish1@yandex.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 20.02.2019. Принята к публикации 20.03.2019.